

УДК 78.071.1(571.6)

*Т. В. Лескова,
доктор искусствоведения, доцент,
профессор кафедры музыкального воспитания и образования,
Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)*

ОБЩЕРОССИЙСКИЕ СОЦИОМУЗЫКАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ КАК СРЕДА РАЗВИТИЯ КОМПОЗИТОРСКОГО ФОЛЬКЛОРИЗМА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

В статье проанализированы общероссийские факторы, значимые в становлении композиторского фольклоризма на Дальнем Востоке России. Актуальность темы заключается в обозначении связи и выделении стадийности общероссийских влияний на профессиональную музыку региона. Научную новизну исследования составил двусторонний анализ центрально-периферических процессов. В результате выявленыкумулятивные (накопительные) ресурсы дальневосточного фольклоризма в отношении общероссийской «новой фольклорной волны», черты автономизации, то есть наличия «своего» слова в общем процессе, а также потенциал экстраполяции. Последняя присуща дальневосточному композиторскому фольклоризму как явлению, стоящему на периферии, но обогатившему общероссийский процесс. В этих положениях заключается теоретическая значимость исследования. Материалы могут быть использованы при изучении курсов современной музыки.

Ключевые слова: профессиональная музыка, композиторский фольклоризм, Россия, Дальний Восток, центр, периферия.

T. V. Leskova,

Doctor of Art History, Associate Professor, Professor of the Department of Musical Education and Education, The Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia)

ALL-RUSSIAN SOCIO-MUSICAL PROCESSES AS A ENVIRONMENT FOR THE DEVELOPMENT OF COMPOSITION FOLKLORISM IN THE RUSSIAN FAR EAST

The article analyzes the all-Russian factors that are significant in the development of composer folklorism in the Russian Far East. The relevance of the topic lies in the designation of the connection and in tracing the stadial nature of all-Russian influences on the professional music of the region. The scientific novelty of the study was determined by the fact that a two-sided analysis of central-peripheral processes became a special perspective. As a result, a conclusion was made about the cumulative (accumulative) resource of the Far Eastern folklorism in relation to the all-Russian „new folklore wave“, about the features of autonomization, that is, the presence of „one’s own“ word in the overall process, as well as the potential for extrapolation. The latter is inherent in the Far Eastern compositional folklorism as a phenomenon that is on the periphery, but has enriched the all-Russian process. These provisions are the theoretical significance of the study. The materials can be used in studying modern music courses.

Keywords: professional music, composer folklorism, Russia, Far East, center, periphery.

Музыка дальневосточных композиторов ещё со времени своего первоначального становления в середине 1930-х годов была ориентирована на одно из ярких региональных явлений – фольклор коренных жителей и переселенцев края. Сложившаяся область профессионального творчества – дальневосточный композиторский фольклоризм – развивалась в неразрывной связи с комплексом внутрирегиональных культурно-исторических явлений. Однако для фольклоризма региона значимыми оказались и некоторые социомузикальные процессы центра России.

Исследователи показали, что «взаимосвязь центра и периферии в искусстве относительна» [1, с. 89]. Эти социокультурные звенья, центр и периферия, взаимодействуют согласно определённым закономерностям. На начальной стадии прослеживается направленность им-

пульсов от центра к периферии, на следующих – возникают встречные импульсы, при этом на «универсальную модель» центра воздействуют «особенности периферической культуры... Модель обретает новую специфику» [2, с. 76]. Для данного исследования важны эти положения об исторической перспективе эволюции всей системы.

Целью статьи является анализ центрально-периферических корреляций в музыкальном профессиональном творчестве и его особой стилиевой сфере – композиторском фольклоризме. В задачи статьи входит выявление наиболее общих социокультурных музыкально-творческих факторов влияния центра на дальневосточное творчество, начавшее свой отсчёт в виде профессионального искусства с 1960 года – времени образования региональной композиторской организации.

Процесс развития дальневосточного фольклоризма в системе «центр – периферия» не был однородным. Его перспективы фиксируются отдельными исследователями в понятиях «кумуляции, автономизации, экстраполяции» [3, с. 41]. Они определяют степень сформированности региональных традиций и потенциал их влияния на центр, что приемлемо и для оценок процессов на Дальнем Востоке.

В 1960-х – середине 1980-х годов действие центра в дальневосточном композиторском фольклоризме отличалось двойственностью. С одной стороны, в советское время региональное музыкально-культурное пространство и местное композиторское творчество испытывали со стороны центра не только инновационное, но и идеологическое воздействие, находились в ситуации контроля, «управления» культурой.

С другой стороны, такие формальные методы не имели «внутренних опор на органично вызревшие местные традиции» [4, с. 181]. На дальневосточной периферии относительная художественно-творческая свобода была обусловлена имманентными принципами саморегуляции искусства. Это выражалось в личностной активности деятелей культуры, увлечённых местным фольклором и организацией музыкальной жизни региона [5, с. 464]. Данные принципы ещё в советский период закладывали ресурсы реинтеграции.

Отчасти она объяснима тем специфичным для региона фактором, что местная региональная среда, при всём многообразии её контекста, развивалась на более узкой основе, нежели общероссийская. Истоком такого положения объективно выступает исторически сформировавшийся «уникальный тип ... „проточной культуры“» – культурного образования со слабо сформированным «региональным ядром» [6, с. 3]. Частным выражением этого, во-первых, выступает миграция дальневосточных композиторских кадров, во-вторых, отсутствие единой «шко-

лы» при высокой роли ключевых фигур Юрия Владимирова, Николая Менцера, Александра Новикова в региональном музыкально-творческом процессе.

К факторам реинтеграции относится и гетерогенность дальневосточного культурного пространства. На первый взгляд часть и целое – дальневосточное и российское культурное пространство – соподчинены и едины. В них можно отметить сосуществование и взаимодействие традиционных этнических субкультур. Дальневосточный феномен усиливал общую гетерогенность на уровне страны. В области композиторского фольклоризма центрально-периферические процессы также были во многом сходными: «социоэтническая гетерогенность России отозвалась в дальневосточном творчестве и в композиторском фольклоризме образно-стилевой гетерогенностью. Эволюция регионального процесса демонстрировала постоянный полиморфизм» [7, с. 283], свидетельствующий не о соподчинении, а о дезинтеграции. Ниже обоснуем данный тезис.

Во-первых, во многом ощущались множественность, бифуркации и полифуркации, противонаправленность и противоречивость дальневосточных тенденций. Так, на исходных рубежах фольклоризма 1930-х годов обращение к местной тематике диктовалось требованиями центра (инициатива «сверху»). Но и сами дальневосточные авторы видели в фольклоре основу образной неповторимости своих произведений, источник самостоятельности в рамках общероссийского / общесоюзного интереса к воплощению фольклора (инициатива «снизу»).

В пору расцвета регионального фольклоризма 1960–1980-х годов интенсивно разрабатывался ряд специфических тем истории, традиционного быта, культуры коренных народов и переселенцев Дальнего Востока. Всё это определило «лицо» Дальневосточной композиторской организации, стало существенным фактором активного формирования её специфики.

В дальневосточном композиторском фольклоризме наметилось два периода высоких достижений: период первого расцвета в конце 1950-х – начале 1980-х годов, связанный с просветительской деятельностью и творчеством Н. Менцера, Ю. Владимирова, и период яркой инновационности стиля в конце 1980-х–2000-х годов в творчестве А. Новикова, А. Гончаренко, С. Москаева. Отчасти оба периода совпали с этапами относительной идеологической либерализации: периодами «оттепели» и «перестройки». Возможно, обусловленная этим внутренняя суть жизни Дальневосточной композиторской организации не столь жестко унифицировалась из центра. В творчестве первого периода просматривается «альтернативное» стилевое развитие:

в дальневосточном фольклоризме главенствовал стиль, более близкий фольклоризму русской классики XIX века, а не ультрасовременным достижениям «новой фольклорной волны» центра. В 1960–1980-е годы дальневосточные композиторы не могли в полной мере освоить высоты центра в силу молодости организации и её авторов, несмотря на идеологический контроль в сфере искусства и «управления» культурой. Это показывает относительную автономность социокультурных и музыкально-стилевых процессов центра, при всей его организующей роли, и дальневосточной периферии.

В рубежные десятилетия XX–XXI веков в регионе, как бы вразрез принципам локализма постсоветской России, выравнивалось положение в дальневосточном творчестве относительно центра. Показателем достигнутого уровня, типичного для неофольклоризма центра, стало стилевое усложнение, усиление общерусских мотивов в образном содержании произведений благодаря вовлечению фольклора европейской части России. С одной стороны, в этом обнаружилась тенденция запаздывания периферии с инновациями, что объективно. С другой стороны, интегрирующие процессы шли из центра часто по инерции, и дали объединяющий результат с периферией только на пороге нового тысячелетия.

Если творческий процесс не однозначен в оценках, то социокультурная эффективность инноваций в композиторском фольклоризме имеет более четкие черты дезинтеграции. Культурологи и социологи культуры отмечают «различие уровня развитости инфраструктуры в центре и на периферии» [8; 9; 10]. В социомузыкальном пространстве подчеркнём значимость исполнительства и образования, слушательско-зрительских интересов и запросов, уровня профессионализма творцов. Культура центра отличается «эффектом усиления творческого потенциала по всему полю творческой деятельности»: творчество в одной области «отзывается вспышкой творческой энергии в другой» [11, с. 217–218]. Этому способствуют большая доступность информационных ресурсов (даже на современном этапе), плотность творческих контактов и культурных событий.

Благодаря этим и другим факторам инновации центра 1960–1980-х годов стали достоянием широкого круга и разных уровней публики, в том числе слушателей-профессионалов, интеллектуалов с высокими эстетическими запросами и подготовленным восприятием. На Дальнем Востоке произведения стали доступны рядовому слушателю благодаря другому качеству – стилевой умеренности. Но с развитием инноваций во второй половине 1980-х годов процесс в регионе приобрёл вид обратной пропорции.

«У демократической части публики, воспитанной на доступном по стилистике материале, потребность в восприятии сложного по фор-

мам фольклоризма А. Новикова, С. Москаева оказалась не сформирована. Это было обусловлено и сменой общекультурной парадигмы России» [12, с. 155], и такими частными её проявлениями, как невысокая социальная оценка музыкального образования, профессионализма и др., что представляет отдельную тему музыкальной социологии. Одновременно в сфере фольклоризма были завоёваны более широкие позиции среди подготовленных слушателей, достоянием которых не только в дальневосточном регионе, но и в России и за рубежом стали «Российский диптих» С. Москаева, «Кантата на народные слова» и «Месса» А. Новикова и др.

Большое значение для социальной эффективности развития композиторского фольклоризма имеет «толщина» культурного пласта. «Противоречивое состояние культурной среды региона обычно заключается в том, что, с одной стороны, в нём существует потребность заполнения культурных ниш, так как не все проявления национальной культуры, в отличие от центра, выражены здесь столь же равномерно и сбалансированно» [11]. С другой стороны, в музыкальной культуре возможности местных композиторских сил на Дальнем Востоке были невелики.

Разными были и «стартовые позиции» в опыте профессиональной композиторской работы: становление Дальневосточной организации как профессиональной началось с 1960 года. Однако социокультурная эффективность региональной композиторской организации, особенно в доперестроечное время, была довольно высокой. Она проявлялась в стремлении «разомкнуть» композиторское творчество для максимально широкого круга слушателей. Инициатива целой когорты композиторов – Ю. Владимирова, Н. Менцера, В. Румянцева, Э. Казачкова и др., в том числе композиторов-любителей Г. Угрюмова, В. Наумова и массы самодеятельных композиторов-хормейстеров, поиск новых форм общения с публикой позволили занять прочные позиции в региональной музыкальной культуре.

Композиторы, помимо официальных пленумов, объезжали регион с авторскими концертами, «сотрудничали с художественной самодеятельностью, поднимая её уровень, вели шефскую работу на предприятиях, были авторами и участниками радиопередач. Такая общественная работа давала относительную самостоятельность в ситуации соподчинения с центром, инициативу в творчестве» [7, с. 284]. Результатом этой работы композиторов, подкреплённой интенсивным функционированием всей социомузыкальной инфраструктуры, существенным для самой периферии, то есть для Дальнего Востока, явилась активизация центрально-периферических процессов на уровне региона. Крат-

ко остановимся на этих важных процессах в социокультурном и творческом ракурсах.

Социокультурный анализ свидетельствует, что ещё при первоначальном становлении форм европейской музыкальной жизни на Дальнем Востоке конца XIX века в регионе обозначились свои культурные центры, а «вся дальневосточная система в музыкальной культуре изначально складывалась как полицентричная. Первенство распределялось между Хабаровском и Владивостоком, а также двумя другими культурными центрами – Благовещенском и Читой. На современном этапе, во второй половине XX века, многоуровневость соподчинения этих центров со своими сферами влияния и своей периферией» [13, с. 51] стала более осязаемой. Заметим, что ранее местная периферия была крайне слаба в культурном отношении.

Примерно в то же время в музыкальной культуре региона выдвинулись местные центры второго порядка: Южно-Сахалинск, Петропавловск-Камчатский, Магадан, Благовещенск, Находка, Комсомольск-на-Амуре, Амурск. Возрастание их объяснялось открытием там в 1960-е годы, кроме двух последних городов, музыкальных училищ. Если в целом в творческом плане Хабаровск и Владивосток объединили вокруг себя преимущественно профессиональных композиторов, то центры второго порядка – авторов-любителей.

«Особым свойством дальневосточного музыкально-культурного пространства европейского типа является бицентризм – принцип удвоения культурных центров» [14, с. 20–21], который заметен на примере Владивостока и Хабаровска. Им присущ более высокий статус в области музыкальной культуры и образования, музыкальной этнографии. Наряду с профильными вузами, колледжами, высоким профессиональным уровнем исполнительских и творческих кадров, «здесь сгруппированы композиторские силы с организационным центром в Хабаровске и представительством во Владивостоке (в 1995–2002 годах возглавляемое А. Гончаренко» [15]). Примерно равные возможности определили статус «удвоенных» дальневосточных центров как «друзей-соперников» (выражение А. Сохора о сочетании слова и музыки в вокальных жанрах) с большими потенциями к локализму, состязательности, но также и к координации во всех упомянутых сферах деятельности.

Анализ творчества авторов Хабаровска и Владивостока выявил примерно равные достижения в освоении академических жанров профессиональной музыки в области композиторского фольклоризма. Авторы одновременно овладевали и инновациями центра. К примеру, сильные позиции в сфере полистилистики имел владивостокский композитор

И. Бродский, выступивший со своей Симфонией в 1960-е годы. Первое упоминание о её создании относится к 1959 году, а исполнение – к 1965 году. Лидер организации Ю. Владимиров обратился к фольклору в полистилистическом преломлении в 1970 году в своём «Дальнево-сточном концерте». В дальнейшем интенсивной (авангардно-конструктивистской) модернизации фольклоризма хабаровчан А. Новикова, С. Москаева оппонировал «симфоджазовый фольклоризм» владивостокского композитора А. Гончаренко. В песенно-хоровой сфере жанрово-стилевая оппозиция, правда, несколько разделённая во времени, сложилась между фольклоризованным творчеством В. Румянцева (Хабаровск; 1939–1963 годы) и Е. Казановского (Владивосток; 1970-е годы).

Естественным представляется больший акцент на творчестве хабаровских композиторов в силу нахождения там организационного центра Дальневосточной организации и сосредоточенности ядра композиторов-профессионалов в этом городе. Поэтому массив произведений, принадлежащих фольклорному направлению, более обширен, а творчество интенсивнее. Достаточно вспомнить, что «целенаправленность и систематичность работы Н. Менцера с коренным фольклором в малых симфонических жанрах, а также жанрах сюиты, симфонией представила не только внушительный объём им написанного, но и эволюцию методов его работы с фольклором» [16]. Вершинные достижения в сфере фольклоризма также принадлежат хабаровчанам Ю. Владимирову (в симфоническом творчестве) и А. Новикову (в хоровых произведениях).

Наблюдения над активизацией центрально-периферических процессов в регионе Дальнего Востока позволили через оценки количественного роста, разветвлённости выявить качества большей самостоятельности, а, следовательно, устойчивости развития. Наличие ядра и периферии уподобляет региональную подсистему общероссийской, укрепляя её координацию с центром. Региональная подсистема усилила многоуровневость в российской системе «центр – периферия».

Подводя итоги, отметим, что в соотношении общероссийских социомузыкальных процессов и композиторского фольклоризма Дальнего Востока есть своя специфика, порождённая сверхудалённостью географических точек. Затрудняя непосредственные творческие контакты²,

² Отметим, что такие контакты в советский период развития были обязательными, являлись формой отчётности региональной организации, отчасти и идеологического контроля над творческим процессом в регионе. К примеру, председатель Дальневосточной композиторской организации Ю. Владимиров в 1940–1970-е годы многократно посещал Москву и другие крупные культурные центры (Ленинград, Горький, Чебоксары и др.), где проводились съезды и выездные композиторские пленумы. Основание: Государственный архив Хабаровского края. Ф. 1954. Оп. 1. Д. 15. Л. 104, 111, 117, 174–177, 180, 181; Д. 16. Л. 43, 50, 70, 80, 113–116; Д. 18. Л. 178, 186, 191; Д. 19. Л. 159, 163, 166, 173, 182, 193; Д. 20. Л. 7 об.

этот фактор способствовал некоторому рассеянию инновационных импульсов центра. «Их восприятие дальневосточниками происходило не только непосредственно от центра, но и от Сибирской композиторской организации. В Новосибирске существовали развитые традиции проведения межрегиональных пленумов, панорам современной музыки» [17]. Сибирская школа фольклоризма была для Дальнего Востока вторым по значимости источником инноваций, представив в творчестве стиливое разнообразие адаптации фольклора, что является отдельной темой для исследования.

В исторической перспективе состояние композиторского фольклоризма Дальнего Востока 1930–1980-х годов соответствовало этапу кумуляции – освоения всего исторически сложившегося опыта русского / советского фольклоризма прошлого. Субординация с явлениями центра выразилась в умеренности трансформаций фольклора, предложенных авторами-дальневосточниками.

Спецификой обоих периодов дальневосточного композиторского фольклоризма 1960-х – середины 1980-х годов и от этого рубежа до наших дней было совпадение кумулятивных процессов с проявлениями автономизации. Кумуляция выразилась в том, что авторами региона продолжал осваиваться феномен российского фольклоризма / неофольклоризма второй половины XX – начала XXI века. На стилевом уровне он был включён в структуру ориентиров региональных композиторов, которые в это время смогли предложить произведения, стоящие на уровне общероссийских достижений. Автономизация выразилась в нахождении и разработке дальневосточной темы в творчестве, а на основе русской традиции был освоен свой, дальневосточный тип фольклора.

Экстраполяция явлений регионального фольклоризма на общую систему «центр – периферия» также имеет свою специфику. Место дальневосточного творчества в структуре российского неофольклоризма начала XXI века можно определить в соответствии с принципом дополнительности, который обладает потенциалом экстраполяции.

Универсальная общероссийская модель неофольклоризма если и не испытала импульсов, исходящих от музыки Дальнего Востока, то обогатилась произведениями композиторов-дальневосточников. Это подтверждает тезис о том, что функционирование модели «центр – периферия» инвариантно и мобильно в своих основах. Периферические явления по мере развития перемещаются в пласт инвариантно-типических, относительно стабильных элементов. Значение дальневосточного композиторского фольклоризма, влившееся к началу XXI века в обще-

российскую модель, заключается в обретении центрально-периферическим целым новой конфигурации, расширенной региональными достижениями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Шулепова Э. А. Наследие как фактор регионального самосознания // Культурология и культуроведение: Концептуальные подходы, образовательная практика : материалы науч.-практ. семинара. – М., 1998. – С. 84–92.

2. Дрожжина М. Н. Молодые национальные композиторские школы Востока как явление музыкального искусства XX века : дис. ... д-ра искусствоведения. – Новосибирск, 2005. – 346 с.

3. Мартынюк Т. В. Историко-теоретические аспекты взаимоотношений географического и социокультурного факторов в явлении региональной музыкальной культуры (на примере Северного Приазовья XIX–XX веков) : автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. – Киев, 2004. – 42 с.

4. Тевосян А. Т. Лопнувшая струна, или Почём нынче «Вишнёвый сад»? // Музыкальная академия. – 1998. – № 3–4, кн. 2. – С. 178–186.

5. Лескова Т. В. Отражение деятельности композитора Ю. Владимировича в материалах Государственного архива Хабаровского края // Четвёртые архивные научные чтения имени В. И. Чернышёвой : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Хабаровск, 2012. – С. 462–466.

6. Курная Н. Н. Культурная политика как фактор структурирования социокультурного пространства (региональный аспект) : автореф. дис. ... канд. культурологии. – Владивосток, 2003. – 23 с.

7. Лескова Т. В. Композиторский фольклоризм на Дальнем Востоке России : дис. ... д-ра искусствоведения. – Новосибирск, 2017. – 431 с.

8. Мурзина И. Я. Методологические аспекты изучения региональной культуры (к постановке проблемы) // Социологические исследования. – 2004. – № 2. – С. 60–65.

9. Хоруженко К. М. Провинциализм. Провинциализм в культуре // Хоруженко К. Культурология. Энциклопедический словарь. – Ростов н/Д., 1997. – 396 с.

10. Хугаев О. Судьбы культуры региона на пути к рынку // Социокультурное пространство: Структуры и процессы. – М., 1996. – С. 107–122.

11. Лившиц Р. Л. Столица и провинция // Дальний Восток. – 1998. – № 9. – С. 213–222.

12. Лескова Т. В. Дальневосточная композиторская организация в системе социомузыкальных факторов развития: середина 1980-х –

2010-е годы // Культурное наследие Сибири. – 2021. – № 2 (32). – С. 153–166.

13. Иконникова С. Н. Культурное пространство России как ценность и национальное достояние // Региональные факторы развития культуры: информационный аспект. – Краснодар, 1999. – С. 44–54.

14. Каган М. С. Москва – Петербург – провинция: «двустоличность» России – ее историческая судьба и уникальный шанс // Российская провинция. – 1993. – № 1. – С. 16–27.

15. Гончаренко А. Т. Ното-библиографический справочник / сост. Г. Н. Токарева. – Владивосток, 1999. – 60 с.

16. Лескова Т. В. Композиторский фольклоризм на Дальнем Востоке России: Ч. 2. Очерки творчества. Кн. 1. Обработки и жанры симфонической музыки : монография. – Хабаровск, 2016. – 238 с. DVD.

17. Калужский В. М. Панорама сибирской музыки-87 (критические заметки) // Музыка России. – М., 1991. – Вып. 9. – С. 48–60.

BIBLIOGRAPHY

1. Shulepova E. A. Heritage as a factor of regional self-consciousness // *Culturology and cultural studies: Conceptual approaches, educational practice: Materials of scientific and practical. seminar.* – М., 1998. – P. 84–92.

2. Drozhzhina M. N. Young national composer schools of the East as a phenomenon of the musical art of the twentieth century: dis. ... Doctor of Arts. – Novosibirsk, 2005. – 346 p.

3. Martynyuk T. V. Historical and theoretical aspects of the relationship of geographical and sociocultural factors in the phenomenon of regional musical culture (on the example of the Northern Azov region of the 19th – 20th centuries): author. dis. ... Doctor of Arts. – Kyiv, 2004. – 42 p.

4. Tevosyan A. T. A broken string, or How much is the Cherry Orchard now? // *Music Academy.* – 1998. – № 3–4. Book. 2. – P. 178–186.

5. Leskova T. V. Reflection of the activity of the composer Yu. Chernysheva: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference. – Khabarovsk, 2012. – P. 462–466.

6. Kurnaya N. N. Cultural policy as a factor in structuring the socio-cultural space (regional aspect): author. dis. ... cand. cultural studies. – Vladivostok, 2003. – 23 p.

7. Leskova T. V. Composer folklorism in the Russian Far East: dis. ... Doctor of Arts. – Novosibirsk, 2017. – 431 p.

8. Murzina I. Ya. Methodological aspects of the study of regional culture (to the formulation of the problem) // *Sociological research.* – 2004. – № 2. – P. 60–65.

9. Khoruzhenko K. M. Provincialism. Provincialism in culture // Khoruzhenko K. *Culturology. Encyclopedic Dictionary*. – Rostov n/D., 1997. – 396 p.
10. Khugaev O. The fate of the culture of the region on the way to the market // *Socio-cultural space: Structures and processes*. – M., 1996. – P. 107–122.
11. Livshits R. L. Capital and province // *Far East*. – 1998. – № 9. – P. 213–222.
12. Leskova T. V. Far Eastern composer organization in the system of socio-musical factors of development: mid-1980s – 2010s // *Cultural heritage of Siberia*. – 2021. – № 2 (32). – P. 153–166.
13. Ikonnikova S. N. Cultural space of Russia as a value and national heritage // *Regional factors of cultural development: informational aspect*. – Krasnodar, 1999. – P. 44–54.
14. Kagan M. S. Moscow-Petersburg-province: Russia's „two-capitalism“ – its historical destiny and a unique chance // *Russian province*. – 1993. – № 1. – P. 16–27.
15. Goncharenko A. T. Noto-bibliographic reference book / Comp. G.N. Tokarev. – Vladivostok, 1999. – 60 p.
16. Leskova T. V. *Composer folklorism in the Russian Far East: Part 2. Essays on creativity. Book. 1. Arrangements and genres of symphonic music: monograph*. – Khabarovsk, 2016. – 238 p. DVD.
17. Kaluzhskiy V. M. *Panorama of Siberian music-87: (critical notes) // Music of Russia*. – M., 1991. – Issue 9. – P. 48–60.